

Солженицын А. Человеку, жаждущему правды, невозможно брести в реке лжи

Рое. газета. - 2001. - 27 апр. - с. 6

Слово при вручении литературной премии Константину Воробьеву и Евгению Носову 25 апреля 2001 г.

ЧЕРЕЗ жизни и литературные труды Константина Воробьева и Евгения Носова, уроженцев Курской земли и невиданного друг от друга, — Великая война пролегла несмыслимыми, многоподменными полосами.

У Носова в "Усвятских шлемоносцах" — эпическое озарение: первый зов и сплошной уход крестьянского народа на войну — с той покорностью и мужеством, с каким он уходил и уходил век за веком на столькие войны и войны. Ощущима эта неоспорная поступь и ее былинный смысл. Это впечатление усиливается тем, что хотя в повести формально и даны черты колхозной жизни, но в какой-то расплывчатости, а проступает вечность мужика на земле, в своем родном kraю и грозность предвоенного расставания с семьями, с детьми: сколько ли вернутся?

Тема переходит к Константину Воробьеву — ноябрьским боям 41-го года под самой Москвой, которых он был участником, высокий момент грозности для всей страны, когда маячило едва ли не обрушение ее. Только чтобы написать о тех днях — автору предстояла многолетняя выдержка: там-то, под Москвой, он попал в немецкий плен.

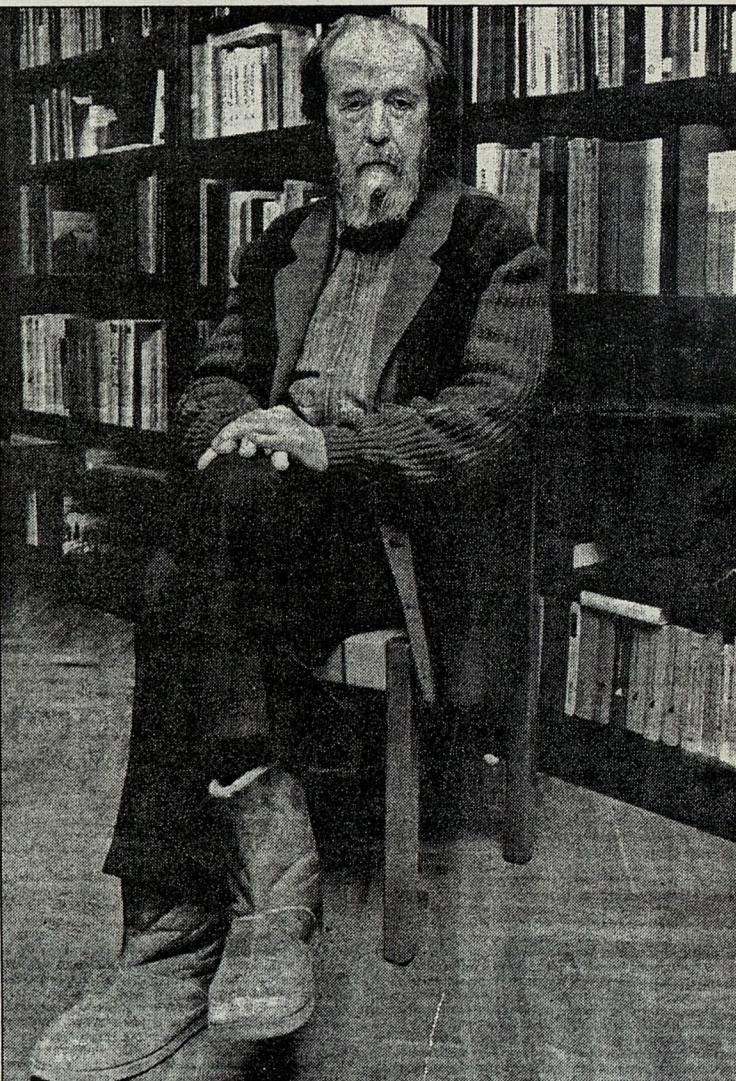
Это новое разящее, уму не представимое бытие, по сути грозившее в тот год любому воюющему, бытие, смертную жестокость которого нельзя было и близко вообразить тогдашней советской молодежи, воспитанной в победных обещаниях, — врезалось в грудь молоденького лейтенанта по сути как тема всей его жизни. Захватило не только обреченное тело пленника-новичка, но в первые же недели и мысль его: этого никто у нас не представляет! Об этом — непременно рассказать, если только выживу. Лагерь под Ржевом: среди снежного поля он — темное прямоугольное пятно, оттого темное, что губами ползающих военнопленных "съеден с крошками земли холодный пух дебабского снега" — чтобы утолить жажду: ведь им не привозят воды.

Дальше пленная судьба Воробьева, прошедшего и другие лагеря, развивалась драматически: когда их повезли в Литву — на ходу поезда он вылез из окошка товарного вагона, повис на привязанной портянке — и спрыгнул. Товарищ ушибся насмерть, а Воробьев повредил ногу. Схоронив товарища, он несколько дней бродил по литовским лесам, но потерянная подвижность обрекла его на новый, повторный плен. Теперь он узнает и страшные тюрьмы в Паневежисе

но она была, конечно, отстранена: власть победителей не хотела знать, кому и во сколько досталась Победа. Повесть отбросили — и этим "ударом в спину ножом", как назвал Воробьев, он был ранен надолго, надолго — больше он не пытался печатать ее до конца жизни — по полной безнадежности. Лишь два коротких его рассказа, связанные с плением, много позже увидели свет — "Немец в валенках" и новеллистически отточенная "Уха без соли", — оба просвещенные человечностью. Да тема-то оставалась неисчерпаемой: а кто когда расскажет о жестокой борьбе между пленными за выживание на краю гибели, и сколько зла и низости обнажалось при этом? Или об измощенных процессиях под конвоем — как пленных гонят за повозкой с трупами закапывать своих умерших? — "Это мы, Господи!" напечатали — лишь через 40 лет, уже в "перестройку".

А человеку, жаждущему правды, невозможно брести в реке лжи. Воробьев читал и читал, что попалось в печати о фронте, о войне, — и приходил в ярость от перекажения, от облыгивания. Даже честные публикации были искажены утайками и поправкой. И при начале общественного оживления, в 60-х, Воробьев написал две прямодушные повести о подмосковных боях — "Крик" и "Убиты под Москвой". В них мы найдем, при всем скоплении случайностей и неразберихи любого боя, и нашу полную растерянность 41-го года; и эту немецкую легкость, как, при лихо закатанных по локоть рукавах, секли превосходными автоматами от живота по красноармейцам; и тупость неподготовленных командиров; и малодушие тех политруков, кто спешил свинтить шаплы с петлиц и повратить свой документ; и засады за нашей спиной откомленных заградотрядчиков — уже тогда, быть по своим отступающим; и еще, еще не все поместились тут — и об этом тоже целые поколения не узнают правды?? — Повесть "Убиты под Москвой" безуспешно прошла нескошко журналов и была напечатана в начале 63-го в "Новом мире" личным решением Твардовского. И концентрация такой уже 20 лет скрываемой правды вызвала бешенную атаку советской казенной критики — как у нас умели, на уничтожение. Имя Воробьева было затоптано — еще вперед на 12 лет, уже до его смерти. Он жил эти годы со "вторым ножом в спине", в состоянии безысходности.

Да судьба одного ли Воробьева? Сколько талантливых и неведомых нам

"Общая газета"

ее множественным силам и тайнам, доступным только внимчивому глазу, уху, обонянию, осязанию.

В рассказах Носова крестьянская жизнь — до того натуральная, будто не прошла через писательское перо. Крестьянское осмысленное понимание каждого бытейского хода, и поэзия ремесла, неизмысленная простая народность, са- ...

чувственный к слабым, — из лучших крестьянских образов в нашей литературе.

Когда-то пойманный им конокрад и отпущеный — теперь, в буденовке, с милицией, приходит выгребать все его имущество, нахитое собственными неуловимыми руками. Момич, однако, с этата уходит, обзаводится ружьем и скрывается в лесу, в землянке — непобедимый тип. А в войну — он и в партизанах.